

References

1. Alefirenko N. F. *Sovremennye problemi nauki o yazyke*. Moscow, Flinta, Nauka, 2005, 416 p.
2. Apresyan U. D. *Isbrannye trudi. Lexicheskaya semantika. Integralnoe opisaniye yasika b sistemnaya leksikografiya*. 2nd ed. Moscow, Shkola "Yasiki russkoi kulturi", 1995, 975 p.
3. Arutyunova N. D. *Predlozhenie i ego smisl*. Moscow, Nauka, 1976, 394 p.
4. Buligina T. V., Shmelev A. D. *Mentalnie predikati v aspektologii // Logicheskii analiz yasika. Problemi intensionalnih i pragmaticheskikh kontekstov*. Moscow, Nauka, 1995, pp. 56–64.
5. Vasiliev L. M. *Sovremennaya lingvisticheskaya semantika*. 2nd ed. Moscow, Visshaya shkola, 2005, 175 p.
6. Vendler A. *Philosophiya. Logika. Yazyk*. Moscow, Nauka, 1987, 217 p.
7. Dmitrovskaya M. A. *Znanie i mnenie: obraz mira, obraz cheloveka // Logicheskii analiz yazyka. Znanie i mnenie*. Moscow, Nauka, 1988, pp. 21–29.
8. Kuznetsova E. V. *Lexiko-semanticheskaya gruppa glagolov i semanticheskie modeli predlozheniya // Klassi glagolov v funktsionalnom aspekte*. Sverdlovsk, Ural University Publ., 1990, pp. 4–13.
9. Moskvin V. P. *Semantika i sintaxis russkogo giagola*. Kiev, 1993, 246p.
10. Paducheva E. V. *O semantike sintaxisa. Materiali k transformatsionnoi grammatike yazyka*. 2nd ed. Moscow, Nauka, 1997, 292 p.
11. Sentenberg I. V. *Glagolnii sinonimicheskii ryad kak sredstvo differentsirovannoi protsessualnoi nominatsii // Onosemasiologicheskie aspekti semantiki*. Volgograd, Peremena, 1993, pp. 107–114.
12. Slesareva I. P. *Problemi opisaniya i prepodavaniya russkoi leksiki*. 2nd ed. Moscow, Nauka, 2000, 147 p.
13. Shmelev D. N. *Sintaksicheskaya chlenimost viskazivaniya v sovremennom russkom yasike*. Moscow, Nauka, 1976, 217 p.

**ОСОБЕННОСТИ СМЫСЛОВОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ФРАЗЕМ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ ТАТЬЯНЫ УСТИНОВОЙ**

Глухова Наталья Викторовна, аспирант, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: nataljagluhova@gmail.com.

В статье рассматриваются особенности смысловой реализации фразем разных функциональных стилей (книжного, разговорного и нейтрального) в дискурсе романов Т.В. Устиновой. Предметом исследования выступают специфические свойства смысловой и стилистической реализации фразеологического значения. Основная цель заключается в исследовании функциональных особенностей различных стилистических пластов русской фраземики в художественном дискурсе Т. Устиновой. При изучении данной темы используются описательный метод, метод дистрибутивного анализа, метод компонентного анализа А. Вежицкой, метод контекстуального анализа Н.Н. Амосовой. В результате комплексного анализа можно говорить о том, что фраземы разных стилей способны трансформироваться в контексте художественного дискурса, причем трансформация зависит от предпочтений и замысла автора. Таким образом, в процессе речевой реализации фраземы создается её своеобразный когнитивно-коммуникативный фон, который способствует актуализации её ассоциативных связей с предыдущими фрагментами речемыслительного акта. С одной стороны, эти ассоциативные связи обусловлены структурой коммуникативно-прагматической ситуации, а с другой, порождают фразеосемантическое варьирование.

Ключевые слова: фразема, дискурс, трансформация, фразеосемантическое варьирование

THE PECULIARITIES OF SEMANTIC REALIZATION OF IDIOMS
IN THE ARTISTIC DISCOURSE OF TATJANA USTINOVA

Glukhova Natalia V., postgraduate student, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st., e-mail: nataljagluhova@gmail.com.

The article gives a review of the peculiarities of semantic realization of different functional styles (book, spoken and neutral) idioms in the discourse novels by T.V. Ustinova. The subject of research is the specific properties of semantic and stylistic realization of idiomatic meaning. The main object is the functional characteristics of different stylistic layers Russian phraseology in artistic discourse of Tatyana Ustinova. In the study of the topic used descriptive method, distributional analysis, component analysis method by A. Wierzbicki, contextual analysis method by N.N. Amosova. As a result of complex analysis can say about phraseological different styles are able to transform in the context of artistic discourse, the transformation depends on the preferences and the intent of the author. Thus, the idiom created its peculiar cognitive-communicative background in the process of realization, which helps update its association to the previous fragments of communicative act. On the one hand, this associative links are conditioned by the structure of pragmatic communicative situation, and on the other, it generates the phraseological variation.

Keywords: an idiom, a discourse, a transformation, a phraseological variation

Унаследованная современной лингвистикой идея В. фон Гумбольдта о «языковом мировоззрении» может оказаться плодотворной для осознания глубинных речемыслительных основ коммуникации. Взаимопонимание между коммуникантами достигается не потому, что они передают друг другу знаки соответствующих предметов, а «потому, что взаимно затрагивают друг в друге одно и то же звено цепи чувственных представлений и начатков внутренних понятий, прикасаются к одним и тем же клавишам инструмента своего духа, благодаря чему у каждого вспыхивают в сознании соответствующие, но не тождественные смыслы» [3, с. 165–166].

Признание единиц фразеологии одним из самых ярких стилистических средств, оживляющих речь, придающих ей эмоциональность и выразительность, является аксиомой как в классической лингвистике, так и на современном этапе развития лингвистической мысли.

Изучение фразем как особых косвенно-номинативных средств коммуникации связано с одной из актуальных проблем современной лингвистики – исследованием коммуникативной семантики (значений языковых единиц в их речевой реализации).

Современные социокультурные перемены определили новые направления в отечественной литературе, которые повлекли за собой изменения в языковом воплощении новых форм литературы, получившей общее название массовой. «Современные писатели активно пользуются языком массовой культуры, посредством деконструкции ее объектов стремятся отразить время, создать эффект «узнавания реальности» [15, с. 281–282]. Это закономерно ведёт не только к снижению литературного жанра, но и к снижению языка литературы. Массовая литература связана с нынешним состоянием русского языка, с массовым обыденным сознанием, со средней языковой личностью, которая, по мысли Ю.Н. Караулова, является отражением текущей языковой жизни общества, средоточием всех его плюсов и минусов» [4, с. 85]. Усреднённость языка такой «массовой» литературы обычно связывается с бедностью состава языковых форм, отсутствием средств выразительности, однообразием лексики, использованием современных речевых штампов. Однако обращение к художественным текстам Т.В. Устиновой подвергает сомнению подобные оценки.

В текстах романов Т.В. Устиновой представлено стилистическое многообразие фразем. Характерной чертой авторского стиля писательницы является не только активное использование фразем различных функциональных стилей, но и их нанизывание, «теснота» употребления, вплоть до соединения в рамках одного предложения: «Ну, и на самом деле, **по большому-то счёту**, смогли – никто из них не умер, не по-

*гиб в девяносто третьем у Белого дома, хотя все туда бегали и изо всех сил лезли на рожон, не спился, не стал законченным наркоманом или бандитом. Все потихоньку **зрбрут и выгребают против течения**... [9, с. 45]; Он совсем **выпустил из виду вопрос, который пришел ему в голову** одним из первых, – на какие деньги бабушка **божий одуванчик** жила пятьдесят лет после смерти мужа? [14, с. 87]; «– Дмитрий Андреевич, я пойду и принесу книги. – Да тебя только **за смертью посылать!** – Я поднимусь в комнату и сразу вернусь... – Совсем от рук отбилась, – пожаловался Веснику великий...» [13, с. 29]; – Хотела **за чужой счет в рай въехать?** Не вышло! И не выйдет!.. Это тебе, чтоб знала свое место! Где это видано, чтобы дочь бриллианты получала, а мать – шиш?! А?! Вот и сиди теперь со своими стекляшками, **кусай локти**, знай, что и тебя бабушка-то надула!.. а ты **губы раскатала на дармовые деньги!** [14, с. 43]».*

Оставаясь нормативными с точки зрения стабильности формы и традиционности семантики, фраземы могут вступать в нехарактерные для них сочетания с элементами микроконтекста, подвергаться различного рода обыгрыванию и переосмыслению. С помощью подобных приёмов реализуются стилистически-художественные авторские намерения.

Книжные фраземы в текстах Т.В. Устиновой наиболее часто подвергаются семантической трансформации, связанной с употреблением в контексте другого стиля речи, чаще всего разговорного. Например: «Осип сказал, что водители толкуют о том, что дочь помешанная и что это она убила мать. Очень удобно. – Бог троицу любит, – вслух сказала Инна. Ястребов негромко произнес за дверью: – Принесли твой чай. – Как будто подслушивал! Инна проворно собрала с ковра справки и сунула их обратно в папку и крепко-крепко завязала, словно захлопнула **ящик Пандоры**» [11, с. 55]. Выражение **ящик Пандоры** – ‘источник всевозможных бедствий, несчастий, неприятностей’ – восходит к древнегреческому мифу о Пандоре. В нём говорится, что некогда люди жили, не зная никаких несчастий, болезней и старости, пока Прометей не похитил у богов огонь. За это разгневанный Зевс послал на землю красивую женщину – Пандору (имя Пандора означает «всем одарённая»). Зевс вручил красавице закрытый ящик (ларец), в котором были заперты все человеческие несчастья. С ним она и пришла к людям. Подстрекаемая любопытством, Пандора открыла ларец и рассыпала содержащиеся в нём несчастья. На дне ящика осталась одна лишь Надежда, потому что испуганная Пандора успела захлопнуть крышку. Иносказательно **ящик Пандоры** означает вместилище всех пороков и человеческих страданий. В данном контексте фраза функционирует в разговорном стиле речи, входит в состав сравнительного оборота и изменяет свою семантику: используется как свободное сочетание слов.

Интересен пример употребления многозначного книжного фразеологизма **земля обетованная**: «Юрий Петрович потянулся, чтобы взять трубку, и вдруг заметил, как сильно дрожат руки. Вот какой ценой достаются денежки. Всем приходится рисковать. Иной раз кажется, что научный институт, где Юрий Петрович провел большую часть своей жизни, и есть **земля обетованная**. Ни проблем, ни угроз, ни денег. Ни страха, от которого желудок горит огнем и скручивается в тугую острую спираль, угрожающую проткнуться насквозь все внутренности» [10, с. 89]. **Земля обетованная** – ‘1. Место, куда кто-либо страстно мечтает, стремится попасть. 2. Предмет страстных желаний, устремлений, надежд и т.п. 3. Место, где царит довольство, изобилие, счастье’ [1, с. 237–238]. На наш взгляд, в данном примере происходит семантическая трансформация, заключающаяся в несоответствии реального счастливого места тому, что есть на самом деле. Получается, что институт, который не приносит ни денег, ни проблем, ни угроз, становится местом, где царит довольство, изобилие, счастье, предметом страстных желаний, устремлений, надежд.

Сравним с другим примером функционирования фраземы книжного стиля в несоответствующем стиле речи: «Александра Зубова ненавидела имя Аллочка, которое прилепилось к ней, когда ей было месяцев пять, с тех пор никак не отлеплялось. Это имя стало ее врагом, ее “пятой колонной”, ее **камнем преткновения**. Оно просачи-

валось за ней повсюду, как керосин в мясной пирог в романе Джерома. Сначала оно просочилось в детский сад, и она вынуждена была вести себя в соответствии с этим ужасным именем – носить банты и оборки, шепелявить, учить гнусные стихи "белая береза под моим окном" и отбиваться от мальчишек, которые не давали ей житья. Потом оно просочилось в школу, и там началось все сначала – белые колготки, локоны, гнусные стихи» [12, с. 132]. Фразема **камень преткновения** имеет значение 'помеха, затруднение, на которое наталкивается кто-либо в каком-либо деле, занятии и т.п.'. Фразема является одним из компонентов конструкции, построенной по типу градации (враг, пятая колонна, камень преткновения).

Для нашего исследования интересны случаи семантической трансформации фразем разговорного стиля, функционирующих в соответствующем стиле речи в художественном тексте. В силу общественного характера бытия человека среди многообразия выполняемых им ролей и приписываемых характеристик доминирующим остаётся социальный аспект. Так, фразема может акцентировать категорию социальной значимости [6, с. 98]. Например, интерпретация фраземы **мальчик для битья** имеет остросоциальную подоплёку: «– Возможно, – согласился Потапов, – но если вы смотрите еще и "Вести", вы должны знать, что у меня поминутно меняется состав друзей и врагов. На этой неделе меня ненавидит телекомпания НТВ, а на прошлой ненавидела телекомпания ОРТ. Завтра меня возненавидит холдинг "Совершенно секретно", послезавтра "Московский комсомолец", а "Совершенно секретно", наоборот, полюбит. У меня такая... своеобразная должность. Я называюсь "**мальчик для битья**". Печать и информация дело вообще непростое, а в нашей стране вдвойне непростое, потому что у нас отродясь никто не знал, ни что такое печать, ни что такое информация» [8, с. 43]. Фразема **мальчик для битья** характеризует 'человека, которому приходится отвечать за чужие провинности'. В данном контексте происходит семантическая трансформация фраземы: герой называет себя, говорит о том, почему он считает себя таковым, причём изначально неодобрительная характеристика, присущая фраземе, осмысливается героем как «должность». Создаётся дополнительный художественный эффект, степень эмоциональности и оценочности, соответственно, возрастает, потому как **мальчик для битья** здесь не просто характеристика, а оценка существующего общественного мнения на реалию, которую представляет автор произведения.

Заслуживает внимания функционирование фраземы в некодифицированном значении, что свидетельствует либо о незнании говорящим значения данной фраземы, либо о специальном введении в текст для создания художественного эффекта. Например: «Ты бы, Борис Василич, укротил своих бойцов, честное слово!.. Когда на улице стреляют – их нет никого, а как показания снимать, так они тут как тут! Это **топорная работа**, Борис Василич, распустил ты их...» [8, с. 47]. Фразема **топорная работа** обозначает 'плохо грубо сделанную работу', в контексте же речь идёт о невыполнении людьми своих профессиональных обязанностей.

Фразема **не лыком шит** в контексте романа («Большое зло и мелкие пакости») Т. Устиновой приобретает «современный» оттенок значения: «– Да хуже всего не то, что стрельба, а то, что там этот Потапов... Ну да, конечно! Сейчас ФСБ явится, не станут же они... Да мы здесь уже... Ну, конечно, тот самый... Слушаюсь! Сразу же перезвоню! Как договорились! Есть! – Полковник сунул в карман мобильную трубку – не столько средство связи, сколько некий знак того, что "мы теперь тоже **не лыком шиты**", – и оглядел свою группу. Группа была немногочисленна и печальна» [8, с. 123]. Значение данной фраземы – 'не хуже других в каком-либо отношении; не лишён знаний, способностей' – приобретает ещё один оттенок: индивидуальности, особенности и социальной значимости, связанный с широкой популяризацией в наше время мобильных телефонов, которые являются показателями достатка и некоторой исключительности, зависящей от наличия данного средства связи в обиходе. Конечно, мобильный телефон не роскошь, а необходимость и данность, хотя на момент написания романа (2004 г.) мобильными телефонами пользовались только те, кто мог себе это позволить.

Фраземы нейтрального стиля менее всего подвержены семантической трансформации, но, находясь под влиянием особенностей художественного дискурса, в произведениях современной отечественной беллетристики можно выявить ряд примеров такой трансформации. «– Садитесь, и поговорим спокойно, иначе я решу, что вы что-то старательно от меня скрываете, и тогда мы **начнем копать по-настоящему**, – Она быстро на него взглянула. – А вам это вряд ли понравится, – закончил он неуклюже. Раздумывая, она обошла кресло и медленно в него опустилась. Это была небольшая, но все-таки победа. – Должна ли я понимать это так, что сейчас вы работаете **спустя рукава**? – спросила она холодно. – Мы не работаем **спустя рукава**, – возразил Андрей с досадой. – Мы щадим вас и вашу семью. Если вы не будете с нами разговаривать, мы щадить перестанем» [10, с. 23]. Фразема **спустя рукава** означает 'небрежно, кое-как (делать что-либо)'. В данном примере происходит семантическая трансформация исходного значения, обыгрывается в данном контексте в значении 'использовать щадящие методы работы'. Кроме того, в начале диалога один из героев использует выражение «**начнём копать по-настоящему**», имеющее несколько значений '1. Клеветать, наговаривать на кого-либо; 2. Мешать кому-либо, препятствовать чему-либо'. Таким образом, использование данных выражений в трансформированном виде выражает дискурсивное пространство романа, подчёркивая когнитивно-коммуникативную роль, которую играют фраземы. Сравним: «– Во-первых, это слишком уж сумасшедшее совпадение – первый и единственный Сонин кавалер оказался уголовником. Во-вторых, ни один уважающий себя уголовник не станет прятаться от ментов в военном госпитале. Это ведь не Спасо-Домиановская обитель на Белом море, и врачи – не божьи старцы **не от мира сего**. У них обязательно есть оперативные милицейские фотографии, и обо всех подозрительных случаях они должны сообщать немедленно» [14, с. 58]. Выражение взято из Евангелия. Слова Иисуса: «Царство моё не от мира сего» сегодня часто повторяют, говоря о людях, погружённых в мечтания, блаженных, чуждающихся забот о реальном, а также о людях одержимых, талантливых, непонятных и непохожих на всех остальных. Современное употребление некоторых библейских фразем ведёт, по замечанию Т.И. Кошелевой, к искажению заложенного в них библейского смысла и неверной трактовке христианских понятий [5, с. 329–331]. Например, фразеологическая семантика единицы **не от мира сего** – книжн. '1. О людях, погружённых в мечтания, блаженных, чуждающихся забот о реальном; 2. Со странностями, странный' – связывается с объективацией представления о «Чужом», т.е. «чужом» человеку, который по каким-то признакам не соответствует общественному «мерилу». Церковная проповедь, однако, разрушает данный стереотип восприятия: «О ком мы говорим, что он **не от мира сего**? О странном или, может, не совсем психически нормальном человеке. Иногда о не приспособленном к практической жизни. Но ведь мы имеем примеры святого жития многих людей, не отличавшихся странностью или неприспособленностью к жизни. Если они **не от мира сего**, Христос не прославил бы их святостью, ибо «мир сей во зле лежит». **Не от мира сего** те, кто считает себя пришельцами в этом мире, в мире сем, и, не привязываясь к нему душой, стремится к другому, Христову, миру. Мир сей – это тяга к греху. Преодолев её, будем, как Христос, **не от мира сего**» [5, с. 331]. Следовательно, фразема **не от мира сего** лишь формально связана с дискурсивным пространством Библии, поскольку в процессе её функционирования в современном русском языке реализуются смыслы, прямо противоположные тем, что заложены в религиозном дискурсе. В ходе формирования фразеологического значения не были учтены те когниции, которыми наделена данная единица в библейском дискурсе. Таким образом, книжная фразема функционирует в контексте разговорного стиля, становится общеупотребительной, меняя исходную семантику, то есть подвергаясь трансформации.

Интересны случаи модификации выражений, восходящих к обычаям и традициям древности. Например: «– Савва, а зачем тебе нужно, чтобы я у вас жил?! Но он только хохотал, показывал крупные белые зубы – и не отвечал. Так и осталось невыясненным, зачем это нужно "Савве", то есть Ники. Если бы в Лондоне узнали, вы-

знали бы его немедленно. Если бы прознали в Москве – кто-то, кроме Бахрушина, – выгнали бы немедленно. **Куда ни кинь, всюду клин.** Но Бахрушин попросил, и Ники согласился» [7, с. 77]. Выражение **куда ни кинь, всюду клин** означает 'выхода из положения нет'. Когда-то на Руси существовал обычай: при распределении общинной земли кидать жребий. Земли при этом (хорошая и плохая – отдельно) распределялись малыми долями. Так вот: клин – это самая маленькая мера земли. Меньше ось даже осьминника – 1/8 десятины. Об этом, кстати, говорят старые пословицы: «Не постоишь за клин, не станет и осьминника», «Уступишь в малом, не будет и большего». Действительно, выхода из положения у крестьян не было: куда ни кинь жребий при дележе земли, всё равно целого хорошего участка не получится, достанутся одни клинья. Ситуация была действительно безвыходная [1, с. 329]. В данном примере обнаруживаем, что фраза, принадлежащая изначально к разговорному, просторечному обиходу, становится общеупотребительной, семантика практически не меняется, теряется только связь с этимологией выражения.

Итак, при анализе фразем нейтрального стиля в контексте художественного дискурса произведений Т. Устиновой нами была выявлена семантическая трансформация данных фразем, причинами которой явилось использование фразем одной стилистической принадлежности в контексте другого стиля речи. Каждая фраза как элемент системы языка представляет собой структурно-семантическую модель, наполняющуюся индивидуализированным смысловым содержанием в том или ином речевом окружении. В речи постоянно происходят преобразования значений фразем, обусловленные их приспособлением к специфике обозначаемых предметов и ситуаций. Преобразования значения наиболее распространены в художественной речи. Входя в состав художественного текста как особого структурно-семантического единства, фраза преобразуется в экспрессивно-эмоциональном и смысловом планах, что обусловлено мировоззрением и стилем автора, идейно-художественным содержанием произведения [2, с. 33]. Проанализировав примеры употребления фразем разных стилей и обнаружив в их семантике и структуре изменения, можно говорить о наличии трансформации как потенциальной возможности художественного дискурса влиять на смысл фразем и создавать определённое дискурсивное пространство текста.

Список литературы

1. Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. В. Н. Телия. – 4-е изд. – Москва : АСТ_ПРЕСС КНИГА, 2009. – 784 с. – (Фундаментальные словари). – ISBN 978-5-462-00735-4
2. Глухова Н. В. Структурно-семантическая трансформация фразеологических единиц разных стилей (на материале произведений Т.В. Устиновой) // Язык и межкультурная коммуникация в современном информационном пространстве : мат-лы III Всерос. науч.-практ. конф. школьников, студентов и аспирантов / науч. ред. Р. К. Боженкова. – Курск, 2012. – С. 33–36.
3. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт; пер. с нем. под ред. и предисл. Г. В. Рамишвили. – Москва : Прогресс, 1984. – 287 с.
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – 1-е изд. – Москва : Наука, 1987. – 264 с.
5. Кошелева Т. И. Библейские фразеологизмы в контексте церковной проповеди / Т. И. Кошелева // Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме (Четвёртые Жуковские чтения) : мат-лы Международ. науч. симпозиума. 4–6 мая 2009 г. / отв. ред. В. И. Макаров. – Великий Новгород, 2009. – С. 329–331.
6. Лаптева М. Л. «Свое» и «Чужое» в когнитивно-дискурсивном пространстве русской фраземики : монография / М. Л. Лаптева. – Астрахань : Изд. дом «Астраханский университет», 2012. – 213 с.
7. Устинова Т. В. Богиня прайм-тайма: Роман. – Москва : Эксмо, 2004. – 320 с. – («Первая среди лучших»). – ISBN 5-699-06297-1.
8. Устинова Т. В. Большое зло и мелкие пакости / Т. В. Устинова. – Москва : Эксмо, 2004. – 352 с. – («Первая среди лучших»). – ISBN 5-699-03614-8.

9. Устинова Т. В. Гений пустого места / Т. В. Устинова. – Москва : Эксмо, 2004. – 352 с. – («Первая среди лучших»). – ISBN 978-5-699-29323-0.
10. Устинова Т. В. Миф об идеальном мужчине / Т. В. Устинова. – Москва : Эксмо, 2008. – 352 с. – («Первая среди лучших»). – ISBN 978-5-699-28665-2.
11. Устинова Т. В. Первое правило королевы / Т. В. Устинова. – Москва : Эксмо, 2004. – 349 с. – («Первая среди лучших»). – ISBN 5-699-03873-6.
12. Устинова Т. В. Развод и девичья фамилия / Т. В. Устинова. – Москва : Эксмо, 2004. – 352 с. – («Первая среди лучших»). – ISBN 5-699-03565-6.
13. Устинова Т. В. Саквож со светлым будущим / Т. В. Устинова. – Москва : Эксмо, 2006. – 384 с. – ISBN 5-699-15352-7.
14. Устинова Т. В. Хроника гнусных времен / Т. В. Устинова. – Москва : Эксмо, 2006. – 384 с. – ISBN 978-5-699-30610-7.
15. Черняк М. А. Феномен массовой литературы : монография. / М. А. Черняк. – Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. – 365 с.

References

1. Bol'shoj frazeologicheskij slovar' russkogo jazyka / ed. V. N. Telija. 4th ed. Moscow, AST_PRESS KNIGA, 2009, 784 p., ISBN 978-5-462-00735-4
2. Gluhova N. V. Strukturno-semanticheskaja transformacija frazeologicheskix edinic raznyx stilej (na materiale proizvedenij T.V. Ustinovoj) // Jazyk i mezhkul'turnaja kommunikacija v sovremennom informacionnom prostranstve. Kursk, 2012, pp. 33–36.
3. Gumbol'dt V. Izbrannye trudy po jazykoznaniju. Moscow, Progress, 1984. 287 p.
4. Karaulov Ju. N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'. 1st ed. Moscow, Nauka, 1987, 264 p.
5. Kosheleva T. I. Biblejskie frazeologizmy v kontekste cerkovnoj propovedi // Frazeologizm v tekste i tekst vo frazeologizme (Chetvjortye Zhukovskie chtenija). Velikij Novgorod, 2009, pp. 329–331.
6. Lapteva M. L. «Svoe» i «Chuzhoe» v kognitivno-diskursivnom prostranstve russkoj frazemiki. Astrakhan, Publishing House «Astrakhan University», 2012, 213 p.
7. Ustinova T. V. Boginja prajm-tajma. Moscow, Jeksmo, 2004, 320 p., ISBN 5-699-06297-1.
8. Ustinova T. V. Bol'shoe zlo i melkie pakosti. Moscow, Jeksmo, 2004, 352 p., ISBN 5-699-03614-8.
9. Ustinova T. V. Genij pustogo mesta. Moscow, Jeksmo, 2004, 352 p., ISBN 978-5-699-29323-0.
10. Ustinova T. V. Mif ob ideal'nom muzhchine. Moscow, Jeksmo, 2008, 352 p., ISBN 978-5-699-28665-2.
11. Ustinova T. V. Pervoe pravilo korolevy. Moscow, Jeksmo, 2004, 349 p., ISBN 5-699-03873-6.
12. Ustinova T. V. Razvod i devich'ja familija. Moscow, Jeksmo, 2004, 352 p., ISBN 5-699-03565-6.
13. Ustinova T. V. Sakvojazh so svetlym budushhim. Moscow, Jeksmo, 2006. 384 p., ISBN 5-699-15352-7.
14. Ustinova T. V. Hronika gnusnyh времен. Moscow, Jeksmo, 2006, 384 p., ISBN 978-5-699-30610-7.
15. Chernjak M. A. Fenomen massovoj literatury. St. Petersburg, RGPU im. A.I. Gercena Publ., 2005, 365 p.